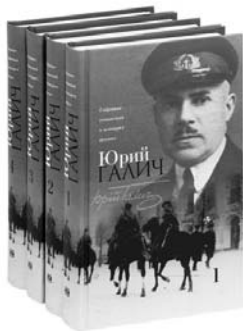

Юрий Галич... В 2014 году во втором томе книги «Литература зарубежья» мне попался документальный рассказ «Гибель Макарова» с указанием составителя, что он был опубликован в Риге в 1929 году. Это был год 110-летия со дня гибели адмирала Степана Осиповича Макарова, и я решила опубликовать его в журнале «На русских просторах». Никаких сведений об авторе в тот момент мне найти не удалось, не смог помочь мне и Ренэ Герра, в его уникальном собрании сведений о Юрии Галиче не оказалось. Позже — не помню в каком журнале — мелькнула заметка о «гимне» русского зарубежья — романсе о поручике Голицыне и корнете Оболенском, автором стихов которого был якобы Юрий Галич. Оказалось, что Юрий Галич — это литературный псевдоним Георгия Ивановича Гончаренко (10.06.1877, Варшава — 12.12.1940, Рига), русского офицера, участника и героя Первой мировой войны, награждённого орденами Святого Станислава III степени (1906), Святой Анны III степени (31.03.1913), Орден Святого Владимира III степени с мечами (26.08.1916) и Георгиевским оружием (08.05.1917), участника белого движения во время Гражданской войны, эмигранта.

Его имя в советский период было забыто, оно вернулось только в постперестроечную Россию. В 2008 году выходит четырёхтомное собрание прозы Георгия Гончаренко (М., Книжный клуб Книговск), в последний том которого составители включили и второй сборник его стихотворений «Орхидея». Итак, *ab ovo*, а что касается стихов, — *usque ad mala*, — оставим их на десерт.

Георгий (Юрий) Гончаренко родился в Варшаве в 1877 году. Его отец — участник русско-турецкой войны 1877–78 гг. — умер, когда сыну было 9 лет. Мать отдаёт мальчика в Полоцкий кадетский корпус.

Основные вехи его весьма успешной военной карьеры. После окончания с отличием кадетского корпуса в 1895 году он поступает на военную службу, в 1897 году оканчивает Николаевское артиллерийское училище и выпускается по первому разряду корнетом в лейб-гвардии кирасирский Её величества полк. Через три года его зачисляют в Николаевскую академию Генерального штаба. Уже через год он становится поручиком, в 1903 г. штабс-ротмистром, а после окончания

академии в этом же году его прикомандировывают к штабу войск Гвардии Петербургского военного округа. Год спустя он с отличием оканчивает Офицерскую кавалерийскую школу и с 1904 г. служит на разных должностях в генштабе с непрерывным повышением по службе. В 1906 году Гончаренко уже является помощником делопроизводителя управления генерал-квартирмейстера Генштаба, затем — обер-офицером Виленского военного округа, затем цензовое командование эскадронам, т. е. строевая служба, во 2-м Псковском лейб-драгунском полку в 1907 г., потом он старший адъютант штаба 3-й кавалерийской дивизии — зимой 1908 г., и, наконец, — в декабре 1908 г. — полковник генштаба.

Нач. штаба Усть-Двинской крепости Г.И. Гончаренко (слева) и комендант крепости Мионинский. Рига, 1914 г.

Последующая его жизнь связана с Усть-Двинском, крепостью в 13 км от Риги. В 1914 году он проводит успешную мобилизацию гарнизона крепости, укомплектовывает 12 рот латышей, а сам переходит на Западный фронт, где в 1915 году становится командиром 19-го Архангелогородского драгунского полка. Приведём один героический эпизод в действиях Г.И. Гончаренко. «19 июня (2 июля) 1916 в бою у д. Дубовые Корчмы, когда под натиском противника пехотные части стали отходить, развернул драгунский полк, направил его в конном строю в атаку лавой и, находясь под сильным огнём противника, увлёк его до удара холодным оружием. Опрокинул наступающие цепи противника и тем способствовал отошедшим частям вновь занять покинутые важные позиции и, таким образом, предотвратил крупную боевую неудачу. 8 мая 1917 года награждён за это Георгиевским оружием»¹.

Вспоминая свои ощущения во время Первой мировой войны в романе «Красный хоровод»² (написан во Владивостоке в 1921 году), он пишет: «Сейчас, на третьем году войны, я почувствовал необъяснимое утомление, не столько, впрочем, физического, сколько морального свойства. Бессонные ночи, напряжённые дни, нервная тревога тридцати бесконечных и страшных месяцев не проходят бесследно. Чувства требуют отдыха... Душа жаждет покоя. Ко всему этому я стал обнаруживать в себе признаки какого-то странного охлаждения к тому ремеслу, которому посвятил себя с юных лет. Оно рисовалось мне в несколько иных формах. Подойдя к нему совершенно вплотную, я обманулся во многом.

И точно, если в ремесле кровавого бога войны раньше, может быть, наблюдалась известная доля романтики, сейчас не осталось и тени» (стр. 209–210).

И далее он задаёт себе вопрос о целях и задачах этой кровавой бойни. «Впервые я усомнился в правоте того дела, во имя которого уже принесено с обеих сторон столько неисчислимых жертв. Во имя чего, ради каких интересов, из каких, может быть высших, но непонятных для огромного большинства людей, соображений? Для того, чтобы, утопив землю в слезах и в крови, перекроить карту Европы на новый лад и создать новый повод для будущих, ещё более гибельных столкновений?» (стр. 211).

---

¹ Цит. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D0%BD%D1%87%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE_%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.

² Ю. Галич, «Красный хоровод», М., Книжный клуб Книговек, 2018. В дальнейшем ссылки будут даны по этому изданию.

Как провидчески и как актуально звучат в наши дни эти слова, написанные почти сто лет назад, — роман «Красный хоровод» вышел в Риге в 1929 году. Конечно, в момент его написания «перекройка карты Европы» уже частично произошла: распалась Австро-Венгерская империя, 6 октября 1918 г. Польша провозгласила свою независимость, впервые на карте Европы появились три новых государства Эстония, Латвия и Литва — «прибалтийские пуговицы», как называла их Зинаида Гиппиус, и т. д. Но этот процесс, продолжившийся после Второй мировой войны, с новой силой вспыхнул в конце 1990 гг. и идёт и поныне событиями на Украине, а в последние дни и в попытках разорвать на части Белоруссию стараниями польских и литовских националистов, подпитываемых щедрой рукой дядюшки Сэма.

Но вернёмся к 1917 году. Февральская революция отнюдь не показалась Г. Гончаренко каким-то судьбоносным событием в истории России. «“Великая — бескровная”. Эти слова, при всей своей неожиданности, не произвели на меня особого впечатления. Я отнёсся к известию почти равнодушно и поймал себя тотчас на мысли: “Революция! Чёрта с два! Армия в полном порядке!.. Мало ли что может прийти на ум в петроградском болоте! Забастовка каких-нибудь мастеровых — это ещё не революция”» (стр. 225).

Профессиональный военный Г. Гончаренко даёт саркастический портрет А.Ф. Керенского — министра-председателя Временного правительства. Таврический дворец. «Быстрой походкой прошёл человек с тёмным ёжиком на голове, с бледным, бритым, утомлённым лицом провинциального жён премьер³. Это был Керенский» (Стр. 230). И сразу вслед за этим он сообщает: «На следующий день второго марта пронеслись слухи об отречении государя» (стр. 233).

Г. Гончаренко резко отрицательно воспринял октябрьский переворот — «Лик большевизма с ощеренными клыками, с включенной гривой, дикий звериный, пещерный ширился и рос.» — и одновременно даёт саркастическую оценку деятельности Керенского. «... как муха, замотавшаяся в паутине, “верховный вождь” и призрачный властитель Керенский, сознав, наконец, тщету дальнейшего словоизвержения, в холодный, серый день примчался в третий конный корпус, стоявший возле Гатчины, под командованием генерала Краснова. (...)

---

³ жён премьер = jeune premier — первый любовник, пер. с французского.

3-й конный корпус выполнил свой долг. После непродолжительной перестрелки у Пулкова Краснов был арестован, а Керенский исчез. (...) и на высокий пост Верховного главнокомандующего вступил его начальник штаба, генерал Духонин» (стр. 271–272).

Г.И. Гончаренко в противовес утомлённому «жён премье» пафосно оценивает Духонина: «О, честный, благородный, верный своему солдатскому долгу человек. Каким мы знали тебя по академической скамье, таким остался ты, как часовой на посту, до своего мученического конца» (стр. 273). Этот мученический конец верховного главнокомандующего автор описывает документально достоверно: несмотря на призыв Крыленко к матросам дожидаться справедливого суда над Духониным, они вытаскивают его из салон-вагона Крыленко, и один из них стреляет ему в затылок. Несколько раньше, в дни февральской революции, он пишет о зверской расправе над главным командиром и губернатором Кронштадта, героем Порт-Артура, «доблестным адмиралом Виреном».

Анализируя события революции и последовавшего «советского рая», Гончаренко, предварительно извинившись, обличает революционную массу, якобы российский народ. «Да не будут истолкованы мои слова как жалобы *рафинированного эстета* (курсив мой — Т. Л.), не выносящего зрелища народной толпы. Но дело именно в том, что это не был народ в истинном значении слова. В огромном большинстве это был полупьяный, праздный, тёмный столичный сброд, отбившаяся от своего дела солдатчина, торжествующий хам, взбунтовавшийся раб, не сознающий жестоких последствий своей “победы”» (стр. 293).

Но вернёмся к биографии писателя. В декабре 1918 года Гончаренко, числившийся полковником генштаба⁴, правда, уже год не служивший, уволен из генштаба. Он принимает решение бороться с большевистским режимом и пытается пробраться в Крым, где сосредоточены французские «непобедимые» части Врангеля. Красочное описание пути через Украину, Киев. В кабинете генерала Лигнау под портретом Т.Г. Шевченко «широковещательная инструкция “Прохаємо балакати по українски”». На этот раз генерал Лигнау ведёт беседу на русском языке. Ибо на наречии кобеляковских торговек нелегко вести политические дискуссии. С галицийской же “мовой” генерал пока не справляется, как не справляется ни один украинский министр, ни сам гетман» (стр. 317). Читаешь и кажется, что попал «в Украину» сегодняшнего дня.

---

⁴ В царской России все выпускники Академии Генерального штаба были к приписаны к генштабу, независимо от их реального места службы.

Не обходит Гончаренко и еврейского вопроса: задержанный на Украине студент не скрывает, что он стремится в Одессу, чтобы вступить в ряды Добровольческой армии, хотя и опасается, что «как еврей, быть может, не будет допущен в ряды белых войск» (стр. 356). В Киеве он был арестован, однако ему удалось совершить побег, кстати, вместе с поручиком графом Голицыным, но об этом чуть позже, и добраться до Крыма, где он был зачислен в резерв при штабе Вооружённых сил Юга России. Однако разгром сил барона Врангеля Красной Армией вынудил его эмигрировать из России. Яркое описание жизни на Украине и в Крыму, хаоса при эвакуации сразу заставляет вспомнить «Окаянные дни» И.А. Бунина. На пароходе «Коказ» Гончаренко в числе эвакуировавшихся видит графа Алексея Толстого. «Почтенный беллетрист по облику и костюму — помещик черноземный, полон, тяжёлый, грузный в мешковатом пиджаке и полосатых брюках, собрав толпу слушателей, передаёт свои московские впечатления и честит большевиков, уснащая речь непечатными выражениями. Впоследствии граф произведёт необычайную политическую эволюцию, пошатается по европейским столицам и приедет на поклон в большевистскую Каноссу⁵» (стр. 399).

То же самое относительно Алексея Толстого отметит в своих воспоминаниях И.А. Бунин, подчеркнув, что, в отличие от графа, он в 1918 году не предлагал забивать гвозди под ногти большевикам. Что же касается большевистской Каноссы, то Г. Гончаренко неправ. Судя по воспоминаниям И.А. Бунина, А. Толстой не только добровольно вернулся в СССР за материальными благами, но и уговаривал Бунина последовать его примеру, мотивируя тем, что Нобелевской премии ему на всю жизнь не хватит, а на родине ему будут обеспечены и почёт, и достойная жизнь.

Сам же Гончаренко прибыл в Константинополь. Он с горечью констатирует, что «... Все подвиги и героические усилия затрачены бесполезно. Все неисчислимые жертвы принесены зря. И водружать православный крест на Айя-Софии суждено, видимо, иным поколениям. (...) С точки зрения же политической, даже при благоприятном исходе войны, едва ли следовало бы обольщать себя надеждами на включение “Константинопольской губернии” в пределы Царства Российского (...) ибо ключ от двери из Чёрного в Средиземное море англичане предпочитают хранить в своём кармане» (стр. 413).

---

⁵ Фразеологизм «идти в Каноссу» означает проявление вынужденной покорности или покаяние не по своей воле.

Остатки врангелевской армии и эмигранты — «неорганизованное стадо русских людей, обременённое семьями, всеми забытые, проживали последние деньги» на греческом острове Халка. В их числе находился и Георгий Гончаренко, правда, один. Он не знал, что его жена умерла в Петрограде от тифа, а единственную дочь Наташу взяла к себе тётя. Деникин, передавший свои полномочия Врангелю, в 1920 году подал в отставку и эмигрировал во Францию. И только в Сибири продолжал бороться с большевиками Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий Русской армией адмирал А.В. Колчак. Бушует гражданская война. Вот что об этом пишет Г.И. Гончаренко: «Гражданская война вступает в решительную фазу. От её исхода зависит существование России как национального, могущественного правового государства. Дон и Кубань, Каспийские низовья и Кавказ, дальние окраины и белая Сибирь со всех сторон поднялись на советскую власть и ведут с ней борьбу в стремлении сокрушить коммунистического змея. Адмирал Колчак нуждается в офицерском составе. Его призыв распространяется в патриотических воззваниях» (стр. 422).

Верный солдатскому долгу, Г.И. Гончаренко на пароходе «Томск» отправляется за 15000 вёрст во Владивосток. К этому времени А.В. Колчак уже был арестован чехами. Полковника Гончаренко весной 1920 г. зачислят в резерв сухопутных и морских сил Временного правительства Приамурской земской управы, а в 1921 г. он становится внештатным генералом для поручений при командующем войсками этого правительства. Два года Гончаренко служит во Владивостоке.

И революции, и гражданской войне в «Красном хороводе» Георгий Гончаренко, публикующийся под псевдонимом Юрий Галич, выносит свой приговор. «Всё пошло прахом! Поруганы и растоптаны боевые знамёна, уничтожена русская честь и само имя Россия! Оголтелая русская революция, захлебнувшаяся в братской крови, не принесла, однако, того счастья, которого от неё ожидали. Государственный переворот предоставил власть людям, осуществляющим неслыханную тиранию и деспотизм. По сравнению с ними императорский режим являлся идеальной формой правления. Это не требует доказательств» (стр. 419).

В конце октября 1922 года части Народно-революционной армии Дальневосточной республики под командованием И. Уборевича освободили Владивосток от японцев и белогвардейцев. Гончаренко через Китай возвращается в Европу на теплоходе «Лористон» — маршрут от Шанхая до Гамбурга. В Берлине ра-

ботает ночным сторожем, не сумев вписаться в эмигрантскую среду, а в сентябре 1923 года он переезжает в Ригу, в которой начиналась его военная карьера. Те годы Г. Гончаренко считал самыми счастливыми в своей жизни.

В Риге он ведёт скромную жизнь журналиста, публикует свои публицистические статьи в газетах «Дни», «Сегодня», в журналах «Наш Огонёк» и «Для Вас». В 1926 году выходит его книга стихов «Орхидея», первая книга прозы — «Императорские фазаны», в 1927 — роман «Китайские тени». Живёт на гонорары от публикаций — пятисот лат за роман хватает на жизнь в течение трёх месяцев. Снимает две комнаты у доктора Спальвинга, жена которого в предвоенное время учила его дочь игре на фортепиано. В 1933 году начинает издательскую деятельность. Ему не удаётся установить связи и с французскими эмигрантами, ближе к концу жизни он пытается вести переговоры с английскими издательствами, но и там не встречает понимания.

По воспоминаниям его дочери Натальи Гончаренко, отец помогал ей, из Риги присылал посылки, после вхождения Латвии в СССР она собиралась приехать в Ригу, но их планы нарушила начавшаяся война. Последнее письмо от него она получила 13 декабря 1940 г., а накануне, как узнала позже, он повесился.

Редакция газеты «Сегодня». Ю. Галич первый во втором ряду слева

Юрий Галич за работой

За второй рижский период его жизни Юрий Галич написал 13 книг и 2 книги перевёл с французского языка. В 1936 году выходит его последний роман «Синие кирасиры. Лейб Регимент»⁶. О его творчестве пишет статью Б.А. Энгельгардт, подчеркнувший, что главное в творчестве Юрия Галича — это правдивость.

21 июля 1940 года Латвийский сейм обратился к правительству СССР с просьбой принять Латвию в качестве Советской Социалистической республики. 5 августа 1940 года Латвия вошла в состав СССР. НКВД начал работать в Риге. Был арестован Б.А. Энгельгардт и, например (об этом упоминает Игорь Владимиров — автор предисловия к Собранию сочинений в 4-х томах, 2012 г.), Борис Харитон — отец создателя советской атомной бомбы, были арестованы два его друга — генералы белой армии Пётр Пильский (у него искали рукопись романа о кровавых чекистах и статьи «против Ленина», которые он писал ещё в Петербурге в 1918 году) и Антон Цивис-Цивинский.

Юрий Галич оказался провидцем: он описал допрос писателя работниками НКВД, которые зачитывают ему цитату из его произведения. «Вот 8-9 главных фигур, на которых держится всё: полубезумный больной маньяк Ленин-Ульянов, кровавый паяц Троцкий-Бронштейн, наглый, хищный, корыстолюбивый прелюбодей Зиновьев-Апфельбаум-Радомысльский, трусливый оппортунист Каменев-Розенфельд, Свердлов-Коган, Урицкий, Позерн, садист Бокий, кавказский бандит — экспроприатор Джуга…» — тут

⁶ Регимент — полк, войсковая часть. На военных топографических картах принятый в СССР/России красный цвет обозначал формирования своих войск, а синий — формирования войск противника.

голос читавшего дрогнул, но выручил другой сотрудник, стоявший чуть позади Ю. Галича. С криком “Гад! Белая сволочь!” он ударом пудового кулака сбил Галича на пол и, не давая тому опомниться, принялись вдвоём избивать ногами в тяжёлых сапогах, ломая кости и разрывая внутренние органы. Через полминуты старший сказал: “Хватит, заканчивай”. Тело ещё дышащего человека подняли и, перевалив через подоконник, сбросили во двор-колодец. Человек за столом выдвинул ящик и достал из него телефонную трубку.

— Немедленно запустить среди населения слух о самоубийстве Г.Ю. И через день дайте об этом сообщение в газетах» (стр. 15, из предисловия И. Владимировича).

Вполне понятно, что при такой оценке правительства СССР и его участия в белом движении Г.И. Гончаренко не мог быть обойдён вниманием органов. В конце декабря 1940 года он получил вызов в НКВД и 12 декабря покончил с собой — повесился. Оружие всем жителям Латвийской ССР было предложено сдать. Был похоронен на Покровском кладбище в Риге.

По воспоминаниям Натальи Гончаренко, могила отца не сохранилась, но священник Алекс. Ник. Тихомиров помнил место захоронения генерала на Покровском кладбище, могила была восстановлена, а затем разрушена повторно и вновь восстановлена в 2002 году к столетию со дня рождения русского писателя — генерала белого движения. «Узнала в 1962 г., — написала она, — ежегодно приезжаю и привожу в порядок дорожную могилу».

Но начинал своё вхождение в литературу Г.И. Гончаренко как поэт: своим литературным крёстным отцом он в воспоминаниях назвал Константина Случевского, его сын Владимир был однополчанином Георгия. Случевский одобрил стихи из первой тетрадки и порекомендовал их редакции журнала «Стрекоза». Издатель «Корнфельд отнёсся ко мне с большой предупредительностью. Нет никакого сомнения, что главную роль тут играло покровительство Случевского. Как бы то ни было, в очередном номере

журнала появилось первое стихотворение, а за ним другое, третье, рассказы и так далее. А через месяц Корнфельд уже отсчитывал мне гонорар теми же маленькими золотыми червонцами. Я стал постоянным сотрудником. Я стал даже обижаться, когда моя рукопись правилась посторонней рукой. Корнфельд меня успокаивал и говорил:

— Не обижайтесь, молодой человек!.. Антошу Чехонте мы тоже правили!..

Моя литературная деятельность продолжалась, впрочем, недолго».

Изданная в 1926 году в Риге его поэтическая книга «Орхидея» не прошла незамеченной, на неё откликнулся В. Набоков рецензией «Новые поэты». «Раскрыв “Орхидею” (опять “изысканное” название) Юрия Галича наобум, я сразу напал на хорошее стихотворение: “давно, давно, лет шесть тому назад, с берданкою в руке, в поршнях, в кафтане рваном, в пригожий летний день, с рассветом, ранним-рано просёлком пахотным идёт со мной Игнат”. Прочитав весь сборник, я пожалел, что автор не остановился только на одной теме, на теме о вот таких охотничьих рассветах. Всё остальное в этом толстом сборнике, кроме двух-трёх военных стихотворений, чрезвычайно слабо. (...) Нелепостей в “Орхидее” хоть отбавляй: “...И за чарою смеёмся мы шампанской, поздно ночью стукнувшись в отель” (...) В ней (лирике — Т. Л.), правда, много “лиловых печалей”, и “ароматностей”, и “лунногрёз”, но от этого она лучше не становится».

С интересом прочитав «Орхидею» (в 4-м томе с/с 2012 г.), не могла не согласиться с мнением Набокова. Много подражательных стихов — Северянину, Гумилёву, Бальмонту. Но... есть и другие. Приведу отрывки из некоторых стихотворений.

«Русь»:

Из тьмы веков, шурша, как ковыль,
Скитаясь некогда в бескрайности равнинной,
Седых легенд волнующую былль
Мы пронесли как свиток длинный, длинный.
(...)
Но — азиаты мы! И, скинув плен оков,
Европа, пред тобой мы вновь в природе голой,
И вновь, как василиск, из тьмы седых веков
Глядит в тебя, в упор, лукавый лик монгола.
О, Русь дремучая, страна чудес и лад,
О, глубь бескрайняя и ширь громады яркой,
Быть может, лучше ты и чище во сто крат
Отчизны Байрона, Вольтера и Петрарки. (Стр. 528–529)

Несомненно, чувствуется влияние Блока, но красиво и весьма поэтично.

«Сфинкс»:

(...) Серый камень выщерблен кусками.
Всюду — смерть, безжалостное тленье.
А века проходят за веками,
Как единое и краткое мгновенье. (Стр. 531–532)

«Нагасаки»:

Бронированный крейсер «Исакий»
Красил борт в фиолетовый лак,
И семь суток сверкал в Нагасаки
И смеялся андреевский флаг. (Стр. 578)

Конечно, для «рафинированного эстета» «красить борт в лак», прямо скажем, не ах!, но «смеющийся» андреевский флаг — это образ!

Юрию Галичу в наши дни некоторые приписывают (наряду с Бехтеевым, Туроверовым и даже Мариной Цветаевой, не говоря уже о поэтах семидесятых годов) авторство весьма популярного романа «Поручик Голицын», мотивируя это их встречей в 1919 году в Киеве в тюрьме Осадного корпуса сечевиков на Пушкинской улице. Но, повторюсь, для «рафинированного эстета» слова романа несколько не те, да к тому же, думаю, Дон и казачество — отнюдь не стихия Георгия Гончаренко, русского *армейского* офицера, хранившего в течение всей жизни верность уставу и присяге.

Задолго до своей смерти в стихотворении «Панихида» Юрий Галич, как и Максимилиан Волошин, молится и за друзей, и «за врагов, сражавших и сражённых»:

А потом к священному подножью
Припаду усталой головою —
Пусть мой путь, увитый злом и ложью,
Зарастёт колючею травой.

Да, дважды разрушенная могила писателя и поэта на долгие годы заросла травой. Но её вырвали — в XXI веке произведения Юрия Галича вернулись на родину, а вместе с ними вернулось и имя генерала русской армии, героя Первой мировой войны Георгия Ивановича Гончаренко.

Сентябрь 2020 года
Санкт-Петербург